

ДЕТЕКТИВ & РОЖДЕСТВО

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Ольга **ВОЛОДАРСКАЯ**

и другие :-)

Татьяна Витальевна Устинова
Елена Ивановна Логунова
Евгения Михайлова
Александр Руж
Ирина Грин
Анна и Сергей Литвиновы
Ольга Геннадьевна Володарская
Детектив&Рождество
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68279999
Детектив&Рождество. Сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-175023-7

Аннотация

В рождественскую ночь мы ждем праздничного снегопада, мерцания огней на ели, улыбок, добрых пожеланий и, конечно же, сюрпризов – особенно тех, что сулят нам наступление радостных перемен. Именно в эту немного сказочную ночь с героями остросюжетных рассказов, вошедших в сборник «Детектив&Рождество», случается множество чудесных историй.

Вам захочется пережить их вместе с ними, потому что удача заразительна. Будьте богатыми, счастливыми и удачливыми – этого от всей души желают вам любимые авторы: Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Ольга Володарская и другие известные писатели!

Детективный рассказ требует от автора высшего мастерства, ведь закрутить интригу, расследовать преступление и разоблачить преступника надо всего на нескольких страницах. Этим даром блестяще владеют популярные писатели, чьи рассказы входят в сборники из серии «Великолепные детективные истории».

Сборник включает в себя ранее опубликованные рассказы.

Содержание

Александр Руж	7
Анна и Сергей Литвиновы	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Татьяна Устинова, Ольга
Володарская, Анна и
Сергей Литвиновы,
Елена Логунова, Евгения
Михайлова, Ирина
Грин, Александр Руж
Детектив&Рождество
*Сборник рассказов***

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, админи-

стративную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Александр Руж

Звезда волхвов

Она была потрясающе красива. Быть может, немного неправильные формы, некоторая угловатость, зато как ей шел розовый цвет – оттенок младенческой кожи! Загадочная, холодная, она словно явилась из другого мира, принеся с собой тайну, которой не спешила делиться.

– Я заплатил за нее сто тысяч франков, – проронил граф Загальский и нарочито небрежно катнул крупный, размером с грецкий орех, шарик по узорчатой скатерти.

– Где же вам посчастливилось отхватить эдакую ценность? – полюбопытствовал отставной майор Алексей Максимов, нацедив себе и графу сливовой наливки.

– Я купил ее в Индии, а выловлена она неподалеку от Цейлона. Прежде мне не доводилось видеть таких больших жемчужин. А теперь я ее полноправный владелец.

– У нее есть название?

– Да. Я назвал ее «Звезда волхвов». Если вы хорошенько присмотритесь, то обнаружите у нее на поверхности шесть едва заметных выступов. Я сравнил их с лучами. Можете считать меня безнадежным романтиком, но, по-моему, это имя ей подходит.

– Вы придумали очень удачно, – сказала Анита не то что-

бы искренне, а скорее из желания польстить гостю. — К тому же сегодня это звучит так символично...

Она встала и зажгла свечи в высоких канделябрах. За окнами еще не стемнело, но зимний день был неяркий, и комната нуждалась в дополнительном освещении. Заалевшие в шандалах огоньки сразу раздвинули пространство, выхватили из мрака иконы в углу, убранные нарядными рушниками, буфеты и серванты вдоль стен, уставленные искрящейся посудой, лакированные стулья с округлыми спинками и празднично накрытый стол.

Описываемые события происходили в конце декабря где-то в середине сороковых годов девятнадцатого века. Алексей Петрович, или по-домашнему Алекс, вместе с супругой-испанкой, урожденной Моррьентес, не так давно принявшей российское подданство, неделей ранее приехали из Петербурга. Это Рождество они решили провести в имении, доставшемся Максиму по наследству от родителей. Скромная усадьба и прилегавшая к ней деревушка Медведевка затерялись в лесах между Псковской и Тверской губерниями. В первый приезд, три года назад, тоже зимой, Аните было жутковато слышать ночами волчий вой и наблюдать ряды угрюмых сосен, обступивших деревню со всех сторон, точно неприятельские полки, затеявшие осаду. Но скоро она пообвыклась, раза два выбралась с мужем и крестьянами на охоту, полюбила кататься с горки на санках и перебрасываться снежками.

— Я жалею лишь о том, — призналась она Алексу, — что ничего этого не было в моем детстве. Жара, песок, море — вот все, что я помню. Ни снега, ни льда. Никакого удовольствия.

— Гм... — промычал Максимов с философической ноткой. — А в моем детстве снега и льда было слишком много. Пожалуй, я бы согласился с тобой поменяться.

Граф Загальский прибыл в Медведевку морозным рождественским утром. Максимов был извещен о его приезде письмом и ждал старинного друга с нетерпением. Их свела Кавказская война, в которой оба участвовали в ранней молодости. Третьим в их боевой компании всегда был военный лекарь по фамилии Немец. Эта фамилия вызывала у окружающих улыбку, а его самого раздражала. Представлялся он всегда следующим образом: «Я Немец, но я словак». Выходец из братиславских простолюдинов, он еще в отрочестве перебрался с родными в Польшу, которая являлась частью Российской империи. Получил в Варшаве медицинское образование и, хотя имел право не служить в царской армии, добровольцем отправился на Кавказ. Двигало им желание выбраться из нищеты и выслужить приличный чин, который позволял бы ему держаться на равных с аристократами и не чувствовать себя плебеем.

Граф Загальский, никогда не забывавший о своем высоком происхождении и подчас грешивший высокомерием, едва ли сошелся бы с бедным мещанином, но Максимов выступил в роли посредника. Он и Загальский одновременно

получили ранения в боях под Сунжей и попали в госпиталь, где доктор Немец творил натуральные чудеса. Алекс, поставленный на ноги в считанные дни, выразил кудеснику сердечную признательность и выставил ящик французского шампанского, а поскольку доктор оказался малопьющим, на выручку был приглашен Загальский. Граф тоже успел оценить врачебное искусство иноземца и после третьей выпитой бутылки беседовал с ним уже вполне по-приятельски. Последующие годы скрепили завязавшуюся дружбу. Не распалась она и после того, как все трое покинули армию. Видеться, правда, стали реже, последняя общая встреча состоялась в позапрошлом году.

Нынче Алекс выслал два приглашения, но Загальский приехал в одиночестве. Немец, по его словам, задержался в Твери, где у него нашлись срочные дела.

– Мы обедали с ним вчера в это же время, – сообщил граф. – После обеда я нанял экипаж и отправился к вам, а он клятвенно обещал подъехать либо сегодня вечером, либо завтра утром.

– А что у него за дела такие безотлагательные? – спросил Максимов.

– Вы будете смеяться, но он сделался коллекционером безделушек. Наткнулся в местной антикварной лавке на табакерку с вензелями и загорелся желанием ее приобрести. Но хозяин лавки заломил астрономическую цену. Наш Немец долго торговался, и все равно у него не хватило денег,

чтобы купить эту вещь. Я предложил ему займы, он отказался. Вы же знаете, он по натуре тот еще фанаберист... Короче говоря, он остался, чтобы попробовать еще раз уломать лавочника и сбить цену. Не знаю, что из этого получится.

Максимов опорожнил свою рюмку и покачал головой.

– Да, упрямство из него ничем не вышибешь.

– Истинно! – подтвердил Загальский, продолжая любоваться жемчужиной. – И между нами говоря, иногда это упрямство направлено на цели совершенно никчемные.

– Вы так полагаете?

– Он большой оригинал, наш словак... Оригинальность – превосходный способ обратить на себя внимание, однако всему есть мера. Он – вообразите! – стал ярым поклонником механических новшеств и завел себе паровой экипаж вместо обычного конного.

– Что же в этом плохого?

– Возможно, где-нибудь в Англии или Франции это было бы в порядке вещей, но Россия консервативна. Даже высший свет, не говоря уже о необразованных селянах, крестится и впадает в столбняк, видя огнедышащее страшилище, за которым тянется шлейф дыма... Ему вслед плюют и называют порождением дьявола. А Немец и в ус не дует, ему все ни почем.

– Ладно... это его личные дела, я бы не хотел лезть с советами. Вы-то, граф, куда направляетесь со своей драгоценностью?

– В Европу. – Граф помедлил и расстегнул ворот сюртука. – Погощу у вас дня два, далее в Псков, оттуда в Прибалтику – и морем в Германию. Хочу показать «Звезду волхвов» настоящим знатокам. Думаю, ее стоимость раза в полтора, а то и в два выше той, за которую она мне досталась у азиатов.

– Вы не промах! Как всегда, расчетливы и дальновидны. Аните, слушавшей их разговор, надоело молчать.

– Граф, что же вы ничего не едите? Вероника сегодня преanzoшла себя, вон как расстаралась...

Стол и в самом деле ломился от блюд. Здесь наличествовали традиционный рождественский гусь с яблоками, жареный поросенок, начиненный кашей, отдельно язык с хреном, тушенная баранина, квашеная капуста, соленые грузди... Загальский, однако, ел вяло, а пил и того меньше. Он выглядел бледным и дышал тяжело, словно ему было душно. Максимов списал это на усталость после длинной дороги.

– Смотрите! – Именитый гость поднес жемчужину к подсвечнику. – При ровном и тусклом освещении она кажется розовой, но это не совсем так. Если ее поднести к огню и повернуть, то она окрасится в зеленый цвет... а если подставить под свет другую сторону, то проявится лавандовый...

– Да. – Анита видела, что граф всецело поглощен своим приобретением, и сочла нужным из вежливости сделать комплимент. – Я тоже немного разбираюсь в жемчуге, среди моих испанских знакомых были опытные ювелиры. Вы не прогадали, купив эту прелесть.

– Не прогадал... да... – Граф внезапно выронил жемчужину, она покатилась по половицам, а сам он схватился рукой за шею и захрипел.

Максимов вскочил и не позволил другу сползти со стула.

– Что с вами?

– Н-не знаю... – выдавил Загальский через силу. – Слабость, и воздуха не хватает... а внутри жжет...

Алекс переглянулся с женой.

– Что это, Нелли? Апоплексия?

– Не похоже... Нужен лекарь!

– Как бы кстати пришелся Немец... Дернул же его черт застрять в Твери! – Максимов приподнял обмякшего графа и перенес его на стоявшую под стеной лавку, уложил, подоткнул под голову обтянутую парчой подушечку. – Как вы? Лучше?

– Нет... мм... Хуже... Умираю!

Анита взяла с полки бронзовый колокольчик, и по дому разнесся трезвон. Вбежала служанка Вероника, вид у нее был перепуганный.

– Что стряслось, Анна Сергевна? – пролепетала она, уставясь на лежащего Загальского.

– С их сиятельством несчастье. – Анита не стала тратить время и вдаваться в подробности. – Беги к Ерофею, пусть готовит сани и везет его в Холм. Срочно!

Холм был ближайшим к усадьбе городом с населением в четыре тысячи человек и всеми надлежащими учреждения-

ми, включая лечебницу.

– Пятьдесят верст, Анна Сергевна, – напомнила Вероника. – Довезем ли?

Анита рассердилась – подобно классической русской бабыне уперла руки в бока и притопнула ногой.

– Довольно рассуждать! Подать сани, я сказала!

Веронику как ветром сдуло. Анита подошла к лавке. Граф маялся, извиваясь ужом, мямля сюртук и раздирая сорочку. Очевидно, боль, донимавшая его, была нешуточной. Максимов, как мог, его успокаивал:

– Все обойдется. Лечебница в городе неплохая. Уровень, может быть, не европейский, но вас выводят, не сомневайтесь.

– Алексей Петрович, – простонал граф, судорожно раскрывая рот, как выброшенная на берег рыба, – где... где моя «Звезда»?

– Вот она. – Анита подняла с пола жемчужину и протянула Загальскому. – С ней все в порядке.

Он приподнял руку, но она бессильно упала на грудь.

– Нет. Я не возьму ее с собой. Эти провинциальные больницы, знаю я их... Непременно украдут. Алексей Петрович, можно вас попросить? Присмотрите за ней, пока я... В общем, на вас вся надежда.

– Не беспокойтесь. Ваше сокровище будет в полной безопасности.

Алекс забрал у Аниты жемчужину, прошел в смежную со

столовой комнату, где располагался кабинет, достал из кармана домашнего халата ключик и отпер им кованый сундук, громоздившийся в углу. Из сундука извлек обитый железом ларец, открыл его вторым ключиком, упрятал туда жемчужину и проделал все в обратной последовательности: запер ларец, поместил его в сундук, опустил массивную крышку, провернул бородку ключа в замочной скважине, а выйдя из кабинета, замкнул еще и дверь. Все меры предосторожности были приняты.

Впрочем, Алексом владела совершенная уверенность, что в его доме кражи невозможны в принципе. Начать с того, что Максимовы обходились минимумом прислуги. Рядом постоянно обреталась лишь Вероника, чья преданность не вызывала ни малейших сомнений. Кроме нее, усадьбу обычно обслуживали два деревенских мужика: Антипка и Ерофей. Обоим было под шестьдесят, они служили уже не первому поколению владельцев поместья и ни разу не позволили усомниться в своей честности. Но их сейчас в доме не было – Максимов отпустил дворню, чтобы отпраздновали Рождество с семьями, и отстегнул им из домашней казны щедрое вознаграждение.

Что касается воров со стороны, то они вряд ли могли рассчитывать на легкое проникновение через двойные двери и окна с дубовыми ставнями. Алекс – специалист по военной фортификации – оборудовал свое жилище на манер крепости. Предосторожность нелишняя, если учесть, что вокруг

на многие версты – лес, в котором, помимо дикого зверья, водились и лихие люди...

Но сейчас, когда на улице трещали рождественские морозы, кому бы взбрело в голову пробираться через заснеженные дебри и готовить нападение на барскую фортецию? Да и кто знал, что в ней хранится розовый катышек, оцененный в целое состояние?

Спрятав жемчужину надежнее, чем Кощееву смерть, Алекс воротился к графу Загальскому. Тот по-прежнему лежал на лавке под образами, признаков улучшения не наблюдалось. Подле него сидела Анита, смачивала ему лоб водой с уксусом.

– Где Ерофей? – спросил Максимов недовольно. – Чего валандается, сукин сын?

В ответ на его грозную тираду в столовую ввалился собственной персоной кучер, а по совместительству конюх, Ерофей Трофимыч – рослый дядька в зипуне, треухе и валенках до колен. Он доложил, что сани поданы, можно ехать.

Максимов вызвался сопровождать графа. Анита не возражала – желание супруга было вполне объяснимым и по-человечески оправданным.

– Прости, что бросаю тебя... – пробормотал он виновато. – Но так получилось.

Анита со всей искренностью заверила, что он ни в чем не виноват и нет причины каяться.

Поездка предстояла затяжная. Несмотря на то, что снег

на большаке смерзся и сани должны были двигаться ходко, Максимов предполагал доехать до города в лучшем случае к ночи.

– Я, конечно, постараюсь с рассветом вернуться...

– Нет уж! – перебила его Анита. – Чтобы тебя где-нибудь в темноте волки сожрали? Благодарю покорно! Дождись утра и приезжай по свету. Мне так будет спокойнее. И не забудь ружье и пистолеты.

– Ты меня как будто на фронт провожаешь, – попробовал пошутить Алекс; Анита не улыбнулась. – Договорились. Но я буду волноваться за тебя. Одна, в пустом доме...

– Со мной Вероника. И я никого здесь не боюсь.

Обмениваться словесами было недосуг – граф впал в беспамятство, метался и бубнил что-то неразборчивое. Его закутали в овчинный тулуп, нахлобучили меховую шапку и бережно уложили в сани. Максимов сел около, приказал Ерофею трогать, и мохноногая лошадка затрусила по дороге через чащу.

К счастью, ничто не предвещало метели, над Медведевкой и окрестностями нависало пусть и по-зимнему тяжелое, но безоблачное небо. Минус состоял в том, что оно неумолимо гасло, а это означало, что значительную часть пути придется проделывать во мраке. Максимов припас несколько масляных фонарей, а Ерофей полагался на чутье своей савраски.

Когда сани исчезли вдалеке, Анита немного постояла в воротах и пошла в дом. Он, всегда олицетворявший собой

тепло и комфорт, впервые показался ей чужим, неуютным и выставшим. Она зябко передернула плечами, закуталась в шерстяную шаль и подбросила в печь два березовых полена. В сердце поселилась тревога, и отчего-то не отпускали мысли, что происшествие с графом – только начало цепи трагических событий, главные из которых еще впереди.

Анита согрелась, но ощущение неуютта не проходило. Сходила в кабинет Алекса, наугад вытащила из книжного шкапа объемный том – что-то из Вальтера Скотта в переводе на французский. Стала читать, но поймала себя на том, что содержание книги не задерживается в голове и тонет в нарастающем волнении.

– Да что же это такое! – раздраженно промолвила она, тренькнула колокольчиком и вызвала Веронику.

Они до полуночи играли в триктрак и пили чай с мятой. Вероника без умолку распространялась о разных рождественских чудесах, будто бы случавшихся с ее знакомыми и знакомыми знакомых. Все это звучало как явная белиберда, не имеющая ничего общего с реальностью и обильно приправленная страшилками из народного фольклора. Чаше других повторялись байки об оживших мертвяках, которые святочными ночами обожают вылезать из могил, бродить по селам и заглядывать в окна честных христиан. При других обстоятельствах Анита посмеялась бы над глупыми выдумками, но нынче было не до веселья.

Когда Вероника утомилась и, умерив словесный поток,

начала зевать, Анита отпустила ее в комнатку для слуг, а сама отправилась в спальню. В юности жизнь не баловала ее, поэтому она часто переодевалась ко сну без посторонней помощи, и вообще снобистские замашки большей частью не были ей свойственны. Вот и теперь она самостоятельно растелила постель и сняла с себя домашнюю одежду – просторный распашной капот, очень удобный, без тугого пояса на талии и с застежкой спереди, которая как раз и позволяла обходиться без услуг горничной. Анита полюбила это одеяние сразу же, как только переехала в Россию. Алекс иногда подтрунивал над ней, замечал, что она выглядит как гоголевская помещица, но Анита не обижалась. Во-первых, он в своем шлафроке тоже напоминал Манилова из иллюстраций к «Мертвым душам», а во-вторых, Анита считала, что коли уж сменила жительство, то и выглядеть должна как представительница страны, в которой обосновалась.

Оставшись в льняной сорочке, доходившей до щиколоток, с кружевами по подолу и буфами на рукавах, она юркнула под одеяло, утонув в мягчайшей пуховой перине. Шаль пристроила на прикроватном столике – к этому ее приучил Алекс. В деревенских домах, особенно зимой, так делали все – чтобы на случай пожара было чем прикрыться, выбегая во двор.

Не спалось. Анита ворочалась с боку на бок, комкала подушку и никак не могла устроиться поудобнее на кровати, оказавшейся слишком просторной для нее одной. Сказыва-

лось отсутствие Алекса, а еще будоражили вновь нахлынувшие беспокойные думы.

Часы в столовой пробили два. Анита слышала их мерные удары, в которых ни с того ни с сего ей почудилось нечто погребальное. А когда затихли последние отзвуки тяжелого бомканья, до ее слуха донеслось не то поскрипывание, не то поскуливание, а может, и то, и другое одновременно.

Она приподнялась на локте и наострила уши. Определенно, за окном кто-то копошился, но оно было занавешено батистовой шторой, и к тому же стояла непроглядная тень. С сильно бьющимся сердцем Анита дотянулась до столика, ощупью нашла на нем спичечницу, вынула из нее деревянную палочку с нашлепкой из белого фосфора и чиркнула ею о наждачную бумагу. Фосфор мгновенно воспламенился, разбрызгивая искры и распространяя в спальне удушливую вонь. Анита поскорее поднесла спичку к свече.

Заоконные звуки не прекращались. Когда фитиль разгорелся, Анита набросила на плечи шаль, сунула босые ступни в сафьяновые туфельки и со свечой в слегка подрагивавшей руке сделала шаг к окну. Желтые кляксы прыгали по стенам и потолку, ложились на занавеску. Всхлипнули доски пола, Анита остановилась, а поскуливание за окном сделалось громче, и из невнятицы вдруг вылепилось слово:

– Пусти-и-и!

Оно было произнесено с такой надрывной интонацией, что внутри у Аниты все сжалось. Она сделала еще шаг и,

приблизившись к окну, отдернула штору.

Dios mio!¹ Из-за стекла на нее глянуло иссиня-белое лицо с безумными глазами, смерзшимися стрелками ресниц и оправой из длинных свалявшихся волос. В качестве колоритного дополнения к портрету – клочковатая борода и оскаленные зубы. Ни дать, ни взять вурдалак, вышедший на охоту.

Разом припомнились недавние рассказы Вероники о воскресших мертвецах и их святочных похождениях. Будь Ани-та подвержена суеверным страхам, заголосила бы благим матом и хлопнулась в обморок. Однако она не страдала предрасположенностью к панике, а общение с Алексом сделало ее закоренелой материалисткой.

Преодолев оторопь, она внимательнее вгляделась в лик незнакомца.

– Пусти-и! – вновь просочилось сквозь раму.

Нет, не похож он на вурдалака. Скорее бродяга, которого нелегкая занесла к черту на кулички. Замерз, посинел...

Анита, как была, в комнатных туфлях и шали, наброшенной поверх ночной рубашки, вышла в сени. Залязгала за-совом. Он был увесист, управиться с ним свободной рукой (второй держала свечу) было непросто.

На шум выбежала Вероника – она спала, не раздеваясь, лишь на голову повязывала чепец.

– Куда вы, Анна Сергевна? Вон же ведро за полenni-

¹ Бог мой! (исп.)

цей...

– Дура! Там человек на холоде. Открывай!

– Какой человек? Откуда?

Вероника растерялась, но, привыкшая к повиновению, приказ выполнила.

Вдвоем они вышли из дома. Стужа моментально проникла под тонкие облачения, обожгла кожу, заставив ее покрыться мурашками. Хотя, сказать по правде, Веронику знобило еще раньше.

– Анна Сергевна, вернемтесь! – умоляла она. – Случись чего – как я Алексею Петровичу в глаза смотреть буду?

– Да помолчи ты! – огрызнулась Анита и завернула за угол, в палисадник, куда выходили окна спальни.

Незнакомец в полотняной рубаше и обтрепанных штанах, больше годящихся для ранней осени, нежели для глубокой зимы, стоял, погрузив ноги в сугроб и навалившись на стену.

– Эй! – окликнула его Анита. – Ты кто?

По виду он не соответствовал выходцу из светского общества, поэтому она пренебрегла этикетом и не стала обращаться к нему на «вы».

Услыхав ее голос, он повернул патлатую голову, попытался ответить, но окончательно потерял силы и сполз в снег, царапая ногтями бревна, из которых была сложена усадьба.

– Покойник! – выкрикнула Вероника заполошно. – Истинный крест, из гроба выпростался... Анна Сергевна, бежим отсель, пока он кровушки нашей не отведал!

– Да где ему... – Анита оттолкнула служанку, норовившую вцепиться в нее, и подошла к упавшему чужаку. – Он еле дышит. Помоги!

Отведя свечу в сторону, чтобы не задуло, она попробовала приподнять неподвижное тело пришлого. В том, что он именно пришлый, сомнений не возникало – Анита знала все немногочисленное население Медведевки: девяносто восемь душ мужеского полу и сто пять женского. Этого человека она никогда не встречала.

Вероника подошла на полусогнутых, ее колотило.

– Надо ли, Анна Сергевна? – усомнилась жалобно, но было одарена таким жгучим взором, что посчитала за благо прекратить препирательства.

Кое-как доволокли неизвестного до сеней, втолкнули в дверной проем. Его лохмы, спаянные серебристым инеем, с костяным стуком разметались по настилу.

– Долдонит чего-то... – прошептала Вероника, всматриваясь в его физиономию с шевелящимися губами. – Ой, не к добру мы его в дом-то!

– Брось глупости болтать! Он бредит. – Анита потрогала чело найденыша. – Жара нет. Переохлаждение... Неси этот... diablo, все время забываю... samogon.

– Пошто? – В Веронике проснулась рачительная экономка. – Ежели этот антихрист без памяти, то он и глотнуть не сможет.

– Снаружи разотрем. Неси, говорю!

Вероника, ворча по поводу зряшного перевода ценного продукта, удалилась на кухню и принесла четверть свекольного первача. Она немного успокоилась – видно, поверила, что подобранный в палисаднике мужик не послан с того света. Но ее симпатий к нему это не усилило.

Следуя повелению Аниты, она стащила с незнакомца рубище и растерла его впалую грудь мутной, словно смешанной с мелом, жидкостью. Процедура подействовала – он открыл глаза, шало оглядел окружающее.

– Ты кто? – повторила Анита заданный ранее вопрос.

Он облизнул обветренные губы и уставился на бутыль, к горлышку которой Вероника то и дело прикладывала тряпочку. Поднял пятерню, потыкал пальцем себе в рот.

– Ишь ты! Очухался, ирод. Внутрь просит.

– Дай, – распорядилась Анита. – Только чуть-чуть.

Мужик припал к бутылки, с наслаждением потянул в себя ее содержимое.

– Хватит! – Вероника отпихнула его и отодвинула четверть подальше. Возвысила голос: – Тебя как звать?

– Ак-к-ки... – выговорил он через силу.

– Аким?

Он кивнул.

– Откуда взялся?

– Из В-волок-ка...

Волоком называлось соседнее село. Три версты через лес. Летом – променад, оздоровительная прогулка, но зимой...

– Да ты герой! – Анита промолвила это без иронии. – Куда шел? И зачем?

Назвавшийся Акимом с готовностью ворохнул языком, чтобы дать пояснения, но издал лишь нечленораздельное «угм», после чего закатил зенки и грянулся затылком об пол.

– Свят-свят! – закрестилась Вероника. – Неужто преставился?

Анита сдавила ему запястье, ощутила толчки пульса.

– Нет. Наверное, потеря сил. Перенесем его к тебе в камеру.

– Ко мне?..

– Не валяться же ему где попало.

– Анна Сергевна, что хотите делайте, но я с ним в четырех стенах не останусь!

– Ляжешь в столовой, на лавке. Для тебя узковато будет, но как-нибудь ночьку перетерпишь, а утром, надеюсь, он придет в себя.

На том и порешили. Впавшего в беспамятство странника не без усилий перетащили в закуток прислуги и пристроили на топчанчике, укрыв толстым домотканым покрывалом. Он еще некоторое время бредил, но в конце концов затих и, судя по ровному посапыванию, погрузился в относительно здоровый сон.

Анита же так и не сомкнула глаз. Слышимость в доме была более чем идеальная. Громкое причмокивание Вероники, бой часов, шуршание мышей, пощелкивание рассыхающе-

гося дерева – все это, прежде казавшееся мирным и не вызывавшее волнения, ныне заставляло вздрагивать и лишало покоя.

Около семи, еще до восхода солнца, Анита поняла, что старания уснуть обречены на неудачу. Встала, оделась и, переместившись в кабинет Алекса, от безысходности взялась за вчерашнего Скотта, а с первыми проблесками зари накинула салоп, сменила туфли на меховые сапожки и вышла на крыльцо.

Очень хотелось, чтобы поскорее приехал Алекс. Однако он появился уже после полудня, невыспавшийся и озадаченный. Анита дала себе зарок не уходить в дом, пока не дождется возвращения мужа, и поэтому продрогла, а вдобавок проголодалась. Вероника уже и печь протопила и завтрак приготовила, звала госпожу хотя бы кофию с ливерными пирожками откусать, но не дозволялась.

– Нелли! – поразился Максимов, выскочив из саней. – Да ты совсем в сосульку превратилась! Разве так можно?

Он обнял супругу и увел в горницу, дыша на ее заледневшие ладошки. Немного погодя они уже сидели за столом, отогревались кофе, уплетали стряпню Вероники и наперебой рассказывали друг другу о ночных приключениях.

Новости Алекса не претендовали на оригинальность. Благодаря прыткости савраски и кучерскому мастерству Ерофея до Холма домчали в рекордно короткие сроки. Растолкали дежурного эскулапа, передали ему с рук на руки болезного

графа. Тотчас был произведен осмотр, который не дал результатов. Эскулап развел руками и предположил, что имело место пищевое отравление. Алекс возразил ему, что за обедом в усадьбе все ели одно и то же, тем не менее пострадал только граф.

К утру, после касторки и пиявок, Загальскому полегчало, но о выписке речи покамест не идет. Его оставили в лечебнице, выделив лучшую палату из всех, что имелись в наличии. По словам врачей, если положительная динамика в его самочувствии сохранится и не произойдет осложнений, то дня через три-четыре он встанет на ноги. Новость, безусловно, отрадная.

Алекс оставил приятеля на попечение сестер милосердия, которым для пущей старательности раздал золотые монеты, и убыл в Медведевку. Настроение у него поначалу было сносное, если не сказать приподнятое, но по мере приближения к дому оно портилось. Он терялся в догадках, что случилось с Загальским. Поданные Вероникой на стол яства не могли повредить никоим образом. Свежайшие продукты, все из собственной деревни, ничего привозного. Стало быть, либо холмские гиппократы ошиблись и дело не в отравлении, либо яд подсыпал графу кто-то из своих. Но кто?

Максимов осведомился у Аниты, что она думает обо всем происходящем. Она ответила, что сведения слишком скудны, а на предположениях и допущениях верных выводов не построишь. Ей, в свою очередь, не терпелось рассказать

о ночных треволнениях, связанных с появлением полузамёрзшего Акима. Выслушав ее, Алекс потребовал показать неожиданного гостя. Тот, измученный злоключениями, еще спал в людской. Максимов хотел разбудить его, но Анита воспротивилась:

– Ему нужен отдых. Как выспится, снабдим его одеждой, накормим, и пусть идет восвояси, куда шел.

Сердобольность супруги тронула Алекса. Он и сам не отличался жестокостью по отношению к сирым и убогим.

Вернулись к прерванному завтраку. Пили по второй чашке кофе, как вдруг снаружи раздался оглушительный грохот, словно с небес сошла колесница Зевса-громовержца. Прислуживавшая в столовой Вероника выронила молочник, осколки фарфора разлетелись, и на полу образовалась белая лужа. Максимов бросился к окну и ликующе воскликнул:

– Черт возьми! Паровой трицикл... Я такие только в журналах видел!

Подтянув полы халата, он выбежал из дома, Анита, завернувшись в шаль, последовала за ним.

Во дворе, чахоточно кашляя и смердя едким дымом, стоял, а точнее, подпрыгивал механический монстр, являвший собой овальную люльку с двумя сиденьями, штурвальным колесом и рычагами, позади которой высился немалых размеров котел с клокотавшей в нем водой. Сооружение крепилось на трех опорах – передней лыже и двух колесах, укрепленных под котлом.

В люльке сидел человек в защитной каске и кожаных рукавицах. Он повозился с рычагами, открыл клапан, и из котла с пронзительным свистом вышел пар. Грохот понемногу стал стихать, но облака дыма все еще плыли над Медведевкой, как грозовые тучи. Жители ближайших к барской усадьбе изб прильнули к плетням и сквозь щели с трепетом взирали на чудо... ах, нет!.. на чудище техники.

– Алексей! – Укротитель монстра выпрыгнул из люльки и облапил Максимова. – Рад тебя видеть!

– И я тебя! – Максимов прочувствованно стиснул друга в объятиях.

Немец снял рукавицы и каску и приложился к руке Ани-ты.

– Мадам... мое почтение!

Его церемонность была напускной. Дань традициям, не более того. В отличие от графа Загальского, он вел себя попростежки, без жеманства и высокомерия.

Максимов обошел вокруг застывшего на снегу трицикла, в котором все еще слабо булькал кипяток.

– Где ты раздобыл этого Горыныча?

– В Москве, – отозвался Немец и потер пальцем масляное пятно на куртке. – Один чужак из Голландии привез партию таких машин, хотел наладить в России торговлю современными средствами передвижения. Какое там! Народ записал его в чернокушники, мало дубьем не погнал... Бедолага не знал, что делать со своими таратайками. Обратно везти –

себе дороже. Вот и распродал задешево. Я не будь дурак, взял.

– Как ты с ним управляешься? – подивился Алекс, трогая рычаги и переключатели. – Я тоже поклонник прогресса, но паромобили пока что несовершенны. С лошадьми куда проще.

– Ты ретроград! – засмеялся Немец. – Надо смотреть в будущее и не бояться сложностей. – Он прервался и взглянул на крыльцо. – А где же его сиятельство граф Загальский? Он должен был приехать к тебе еще вчера.

– А, ты же не знаешь! – Алекс спохватился и потянул доктора в дом. – Пойдем, я тебе все расскажу. Его сиятельство угодил в передрагу, и мы с Нелли ломаем головы, что послужило причиной...

В столовой, где Вероника подала вчерашнего поросенка, присыпанного свежими колечками репчатого лука, и язык, умащенный только что натертым хреном взамен уже выдохшегося, Немец выслушал безрадостную повесть о недомогании, которое отправило графа в лечебное заведение, мало соответствующее его статусу.

– Горемыка Загальский! – вскричал доктор, пригубив чарку со сливянкой. – Угораздило же его...

– Как по-вашему, что это за болезнь? – поинтересовалась Анита, желая узнать мнение специалиста.

– Мадам, как я могу поставить точный диагноз, не видя пациента? Судя по симптомам, которые описал Алексей, это

может быть что угодно. Мы должны немедленно ехать в этот ваш... Холм?... Да, Холм. Посмотрю собственными глазами, вынесу вердикт. А то боюсь, здешние коновалы его залечат.

– Напрасно ты о них так, – возразил Максимов. – Они свою работу знают. И графу уже лучше, можем не спешить. Все равно до темноты не успеть.

– Чепуха! Ты видел моего железного жеребца? Мустанг! Я нарочно снял переднее колесо и поставил лыжу для лучшей проходимости по зимним дорогам. Он делает до двадцати верст в час, больше, чем знаменитая лондонская паровая карета. Живо домчим!

Захмелевший доктор игнорировал трудности и рвался в бой. Анита незаметно для него сделала Алексу предупреждающий знак, который можно было трактовать так: «Утихомирь его. Не надо никуда ехать. Не хватало еще, чтобы этот тарантас сломался посреди чащобы и вы там околели».

Максимов, проведенный в саних половину ночи, тоже был против нового путешествия, тем более что не видел в нем смысла. Он принялся увещевать товарища, упирая на то, что граф идет на поправку и вполне потерпит до завтра. Немец вначале артачился, однако вскоре утих и откинулся на спинку стула. Запал прошел. Дабы закрепить успех, Максимов перевел разговор на другую тему:

– Загальский говорил, что ты в Твери какую-то финтифлюшку прикупил. Похващаешь?

– А как же! – Немец заметно оживился. – Вели своей дев-

ке, пускай из трицикла саквояж мой принесет.

Анита видела через окно, как Вероника с опаской подошла к застывшему и уже переставшему бурлить чуду-юду, но не сразу решилась прикоснуться к люльке. Вот же темная баба! А еще у инженера служит... Надо ей мозги вправить, как выражаются русские. Прочесть лекцию о самоновейших изобретениях и научной революции, а то так и будет до конца дней от паровозов и локомотивов шарахаться.

Наконец саквояж был принесен и водружен на стол, для чего Максимов отодвинул блюдо с недоеденным поросенком и переставил на подоконник бутылку с недопитой наливкой. Немец расцепил защелку, раскрыл саквояж и извлек из него продолговатую, напоминавшую маленький гробик коробочку из позеленевшей листовой меди. Коробочка в длину была не больше пяди, а на ее поверхности пестрела гравировка – неразборчивые иероглифы и вязь наподобие арабской.

– Что это? – Максимов взял коробочку, повертел; она оказалась массивной, а на ее торце он заметил маленькое круглое отверстие (подумал, что для ключа). – Табакерка?

– Угадал! – Доктор самодовольно развалился на стуле. – Правда же, я не зря торговался?

Алекс скептически хмыкнул. Ему доводилось держать в руках табакерки, в полной мере заслуживавшие занесения в реестр произведений искусства. Золотые, серебряные, покрытые жемчугами и перламутром, усеянные драгоценными камнями, с тончайшей инкрустацией и портретами импера-

торов... Приобретение доктора Немеца не произвело бы впечатления на ценителя редкостей. Судя по некоторым признакам, оно было изготовлено в конце прошлого или в начале нынешнего века. Медь местами поцарапана, никаких украшений и гравюр. Банальная емкость для хранения табака. Ее мог склепать любой кустарь из ремесленной слободки. И стоило из-за такой ерунды целые сутки донимать тверского барышника!

Максимов чуть не произнес это вслух, вовремя сдержался. Но Немец прочел все по выражению его лица. Снисходительно ухмыльнулся:

– По-твоему, я совсем из ума выжил? Купил дешевое барахло? Нет, брат... Эта штучка с секретом. Ее прусский мастер делал на заказ.

– Что же это за секрет? – выразила Анита неподдельное любопытство.

– А вот извольте посмотреть. – Доктор отобрал табакерку у Максимова и потыкал пальцем в торцевое отверстие. – Что тут, а? Замочная скважина? Не-ет! Это ствол, через который вылетает пуля.

– Что? – изумился Алекс. – Табакерка-пистолет?

– А чего ты так вскинулся? Какого только оружия не бывает! Мне попадались стреляющие трости, стреляющие ключи, стреляющие перстни... Отчего бы не быть стреляющей табакерке? У нее внутри специальный механизм. Открываешь крышку, сыплешь порох, вставляешь пулю, закрываешь

– и вуаля! Пистолет заряжен.

– Для чего тебе понадобилась эта диковина? Для коллекции?

– Для коллекции тоже. Но есть и практическое применение. Я собираюсь навестить свою родину, а в Европе сейчас неспокойно: мятежи, бунты, поговаривают о революциях... Знакомые пишут, что по городам и весям шатается множество всяческого сброда. Следует быть готовым ко всему.

Максимов кивнул; аргументация доктора звучала убедительно.

– Это так... Но при столкновении с мятежниками табакерка не поможет. Куда надежнее иметь при себе пару добрых пистолетов.

– Они у меня есть. – Немец отогнул полу куртки. – Но ситуации бывают самые непредсказуемые. Сижу я, например, в трактире в Братиславе, ем какой-нибудь бигус... – Он для наглядности положил себе в тарелку квашеной капусты из глиняной миски, – и вдруг подходят некие личности с недружелюбными намерениями. Они, допустим, при кинжалах, и у меня нет времени, чтобы вынуть из-за пояса пистолеты. Реакция у башибузуков, как правило, отменная – дернуться не успеешь, как прирежут.

– Воистину, – согласился Максимов, припоминая столкновения с кавказцами.

– Ну вот... А табакерка лежит у меня под рукой, – Немец

водрузил медную коробочку на салфетку, – и подозрений не вызывает. Я кладу на нее ладонь, словно бы собираюсь открыть крышку, чтобы достать табак, а сам неприметно нажимаю на кнопочку, и...

Проговаривая все это, он надавил на один из иероглифов. Табакерка издала мощный хлопок, из ее отверстия, обращенного в сторону двери, вырвался пучок огня, а сама она, в силу отдачи, вырвалась из пальцев доктора и маленьким снарядом ударилась в зеркало, висевшее на стене. Посыпались стеклянные крошки. Вероника выпустила из рук турку, и рядом с затертым молочным пятном образовалось новое – кофейное. Пуля, угодив на вершок выше дверной ручки, проделала дырку, из которой брызнули щепки.

– Вот это да! – восхитился Максимов, подавившись сливянкой.

Сердце у Аниты от неожиданности замерло, но тут же вновь застучало в прежнем ритме. Она увидела, что никто не пострадал, а значит, и беспокоиться не о чем.

Доктор чертыхался и тряс ободранной кистью.

– А чтоб тебя!.. Я и позабыл, что она заряжена... Простите великодушно!

– Бывает. – Алекс потрепал его по плечу и повернулся к жене: – Ты в порядке, Нелли?

– Да... вполне.

Сильнее всех перепугалась Вероника. Выпученными глазами она таращилась на залитый и усеянный крошечками пол.

– Зеркало! Это к худу... особенно в Святки!

Максимов цыкнул на нее и велел заткнуться. В наступившей тишине Аните послышалось шевеление за простреленной дверью.

– Там кто-то есть!

С быстротой молнии она промчалась прямо по темно-коричневой луже и разлетевшимся щепкам, дернула за латунную ручку, и – о, ужас! – перед ней, равно как и перед остальными, предстало невероятное зрелище. За порогом лежал, скорчившись, давешний бродяга Аким. Он сучил ногами и взвизгивал. Хламида, которую он прижимал к груди правой рукой, окрашивалась в густо-рубиновый цвет, а на губах его пузырилась красная слюна.

– ...твою мать! – выдохнули одновременно доктор и Алекс, обступив лежавшего. Доктор при этом от волнения споткнулся и упал бы, если б не успел опереться рукой о плетеный коврик.

– Убили! – заголосила Вероника.

Максимов, не глядя, запустил в нее скомканным полотенцем.

– Кажется, я его подстрелил... – проговорил Немец дрожащим голосом и присел на корточки. – Посветите мне!

Анита выдернула из канделябра свечу. Доктор осмотрел заведенные под лоб зрачки раненого, пощупал вену на шее и коротко распорядился:

– Помогите перенести его на стол!

Максимов без раздумий завернул углы скатерти и сдержнул ее вместе с тарелками и остатками рождественских угощений. Узел полетел под лавку. Перезвон бьющейся посуды наложился на вопль Вероники, которая не то сожалела по поводу порчи хозяйского имущества, не то впала в истерику при виде окровавленного мужчины.

Анита, не в пример горничной, держалась молодцом. Она расстелила на столе чистую простыню, и Максимов с доктором перенесли туда пострадавшего. Немец сквозь зубы раздавал указания:

– Горячей воды мне! И расставьте побольше свечей вокруг!

Анита усала верещающую на тонкой ноте Веронику за водой и собрала по комнатам все имевшиеся в доме свечи. Доктор тем временем достал из саквояжа металлическую фляжку и влил из нее в рот пациенту что-то прозрачное, едко пахнувшее спиртом. Аким перестал повизгивать и забылся. Немец разложил на стуле подле себя хирургические инструменты: ланцеты разной величины, щипцы, пинцет и набор игл. Сюда же добавился ворох корпии. Вся подготовка заняла не более пяти минут. Вероника принесла лохань с горячей водой, доктор вымыл руки и выгнал всех из столовой.

– Может, еще чем-нибудь помо... – заикнулся Максимов, но Немец свирепо отрезал:

– Справлюсь без дилетантов!

Анита понимала его чувства. У него на глазах погибал че-

ловек, и только он один мог его спасти. А если учесть, что трагедия была вызвана ротозейством самого доктора, то получалась коллизия совершенно драматургическая.

– Пойдем! – шепнул Максимов.

Оставив доктора наедине с умиравшим, вышли во двор. Анита жадно глотнула колкий, леденящий горло воздух.

– Как такое случилось? – недоумевал Алекс. – Какого черта этот босяк вышел из каморки?

Анита пожала плечами.

– Очевидное объяснение одно: он подслушивал. Иначе за чем бы ему стоять под дверью?

– Настораживает термин «очевидное». Иными словами, у тебя есть и другие? – Повисла пауза. – Нелли, я слишком хорошо тебя знаю. Выкладывай начистоту.

– Нечего выкладывать, Алекс. Все очень неопределенно... И столько сюрпризов! Сначала граф с его непонятной болезнью, потом этот нищий, который неизвестно зачем пришел в Медведевку посреди ночи... а теперь еще выстрел...

– Ты думаешь, все эти события связаны между собой?

– Может, связаны, может, нет. Каждое в отдельности сошло бы за случайность, но согласишься, когда они следуют чередой, одно за другим, это уже наводит на подозрения.

Максимов сделал попытку задействовать воображение вкупе с логическим мышлением, но у него так и не получилось связать разрозненные неожиданности в единое целое.

– Ладно, – резюмировал он немного погодя, – что проку

гадать? Немец – славный лекарь. Я верю, что он спасет этого юродивого, и все загадки разрешатся.

– Прямо все?

– По крайней мере, некоторые. Так что подождем.

И они стали ждать. Усилившийся мороз загнал их в дом, но по негласному уговору дальше кабинета не пошли. Сели за ольховым бюро и напряженно вслушивались в звуки, доносившиеся из столовой. Там звякало железо, шелестела ткань, надсадно прогибались доски под ногами коренастого доктора. Ни единого слова, ни вскрика, ни стона... Ничего, что подсказало бы, насколько успешно идет операция и в каком состоянии подстреленный.

Не вытерпев, Анита отправила Веронику заглянуть в дырку, образовавшуюся в двери столовой после выстрела. Заглянула бы и сама, но при Алексе и служанке постеснялась опускаться до подсматривания. Вероника, не отягощенная моральными принципами, не заставила себя упрашивать. Долго прилаживалась глазом к пробоине, находившейся на недостаточно высоком уровне, потом некоторое время стояла, согнувшись в три погибели. В итоге сообщила господам, что ничего определенного разглядеть не удалось. Доктор, облачившись в белый халат, который, как и многое другое, отыскался среди его дорожных пожитков, ходит вокруг стола, где возлежит – срамota какая! – растелешенный Аким. Доктор машет ланцетом, швыряет в придвинутый к столу таз ошметки крайне омерзительного вида и, ежели судить по выраже-

нию его физиономии, не шибко доволен.

Прошло не менее полутора часов, Анита с Алексом вконец извелись. Но вот дверь столовой распахнулась, и на нетвердых ногах вышел Немец. Он был мрачнее тучи, рукава халата по локоть покрывала багровая короста.

– Ну? – подступил к нему Максимов. – Не молчи! Как он?

Немец покрутил коротко стриженной головой, углядел на бюро графин с водой, отпил из горлышка и прохрипел:

– Умер... Проникающее ранение грудной клетки, пробито легкое. Крови – как на бойне...

Наступило тягостное молчание. Вероника разинула рот, но тотчас прикрыла его рукой. Всеми овладело потрясение, длившееся несколько мгновений. Затем Максимов севшим голосом выговорил:

– И что теперь?..

А и правда – что? Доктор совлек с себя халат и без сил опустился в кресло. Взгляд его туманился, ни на ком и ни на чем не фокусируясь.

Анита сняла с турецкого диванчика покрывало и безмолвно вышла из кабинета. Прочие, помедлив, пошли следом за ней.

Она на секунду заколебалась, прежде чем войти в столовую, но все же пересилила робость. В импровизированной операционной царил беспорядок: в таз с алой водой были набросаны тряпки и клочья корпии, хирургический инструментарий частью рассыпался под столом, частью лежал на

стульях, весь в зловещих крапинах. Но взор приковывался не к обстановке, а к мужскому телу, облепленному пропитавшимися кровью лоскутами. Анита видела мертвых не раз и не два, пора бы и привыкнуть, но сейчас ей почему-то сделалось не по себе. Доктор взял у нее покрывало и прикрыл умершего с ног до головы. Произнес надтреснуто:

– Здесь нам больше делать нечего. Я сам его обмою и оплачу погребение. Дайте только прийти в себя...

Они вновь перешли в кабинет. Немец закурил трубку, его веки нервно подергивались. Анита смотрела на него с сочувствием. Он недовольно вскинул брови и уже без эмоций отчеканил:

– Не стоит меня жалеть, мадам. Я убил человека. Это преступление, кем бы он ни был.

– По новому «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» преступления, совершенные по неосторожности, караются нестрого, – блеснул познаниями Максимов. – Если не ошибаюсь, за убийство без умысла – максимум четыре года тюрьмы.

– Это в крайнем случае, – дополнила Анита, всегда проявлявшая интерес к юридическим предметам. – В нашей ситуации не было ни драки, ни размолвки. С позиции закона доктор совершил деяние, повлекшее за собой неожиданную смерть потерпевшего. А это от двух до четырех месяцев заключения плюс церковное покаяние. Мы – непосредственные свидетели. Подтвердим под присягой, что произошед-

шее явилось чистейшей случайностью.

Доктор с достоинством допил воду из графина, стукнул доньшком о столешницу.

– Вы не понимаете? Дело не в наказании. Любое судилище станет для меня позором на всю жизнь. Мне с детских лет приходилось доказывать, что я не выскочка и имею такое же право находиться в обществе, как все эти потомственные дворяне, которым титулы передаются по наследству и которые палец о палец не ударили, чтобы пробиться в свет. А я, – он вещал со все возрастающим пафосом, – я свою репутацию зарабатывал кровью. Алексей не даст соврать...

Максимов кивком подтвердил сказанное. Облик доктора дышал благородством и гордостью.

– Но о моем происхождении не забыли, и судебный процесс станет для меня губительным. Мои злопыхатели используют его, чтобы очернить меня. Я буду навеки вычеркнут из общества, заклеямен презрением и...

Он не договорил, закрыл лицо руками. Анита отметила про себя, что речь была, наверное, излишне патетической, но, по сути, придаться не к чему. Немец прав: если его осудят как убийцу, реноме ему уже не восстановить. Салонные сплетники живо разнесут эту историю, снабдят ее собственными домыслами, и она, обросшая чудовищными подробностями, поставит крест на карьере доктора, которому едва исполнилось тридцать. Печальная перспектива...

Максимову тоже не составило труда все это вообразить.

Заложив руки за спину, он прошелся по кабинету, что-то обдумал. Остановился возле поникшего Немеца.

– Надеюсь, ты не собираешься предложить нам по-тихому закопать этого несчастного и сделать вид, будто ничего не было?

– За кого ты меня принимаешь? – Оскорбленный доктор расправил плечи, лик его исказился от праведного гнева. – Пойти на обман... Это хуже, чем суд и острог.

– Тогда есть ли какой-нибудь другой выход?

– По всей видимости, никакого. Твоя правда... лучше пойти и сдаться. – Он встал и отодвинул кресло. – Решено. Я еду в город. Сперва навещу Загальского... неизвестно, увидимся ли мы еще когда-нибудь... а потом пойду в полицию.

Произнеся эту заключительную фразу, он вышел из кабинета.

– Гордец! – негромко проронил Алекс, когда дверь затворилась. – Но решение принял правильное. Ничего не попишешь, такая планида.

– Согласна. – Анита подошла к окну и отодвинула гардину. – Куда это он направился?

– Видимо, заводить свою колымагу.

В самом деле, с улицы слышался клекот раскочегаренного парового двигателя. Но вслед за этим Анита заметила:

– Он вылез из коляски... идет через двор, открывает калитку...

Теперь уже они вдвоем, толкаясь плечами, смотрели в ок-

но. А позади них, привстав на цыпочки, шумно сопела Вероника, тоже не желавшая оставаться в неведении, когда творится такое.

– Вышел со двора, – комментировала Анита вполголоса. – А что у него в руке?

– Похоже на веревку, – определил Максимов. – Что он задумал, черт бы его побрал? Знаешь, Нелли, мне это не нравится. Айда за ним!

Анита перемолвилась о чем-то с Вероникой и вместе с Алексом пустилась вдогонку за доктором. Он, будто чувствуя, что его собираются перехватить, поднажал, и долгое время его приходилось выслеживать по следам, как зайца. Свежие отпечатки подошв привели к кромке леса. Продвижение сделалось затруднительным, поскольку худо-бедно протоптанные дорожки кончились и начались сугробы – большие, смерзшиеся, похожие на барханы в пустыне.

– Вон он! – воскликнула Анита, вытянув вперед руку в узорчатой варежке. – Быстрее туда!

Доктор, стоя под высокой березой, ладил петлю на веревке, другой конец которой был закинут на кряжистый сук.

– С ума сошел? – заорал Максимов во всю глотку. – Прекрати!

Немец затравленно зыркнул на него и вспрыгнул на торчавшую из-под снега корягу. Накинул петлю на шею, но больше ничего не успел. Алекс вихрем налетел на него, обхватил руками.

– Дурак! Чего удумал?... Нелли, у меня под дохой нож – режь веревку...

Анита перепилила скрученные волокна, и доктор с обрывком на шее грузно сел в сугробину. Он все пытался оттолкнуть Алекса, который крепко держал его за предплечья.

– Уйди! Не мешай... Я не хочу жить!

Максимов приподнял его и усадил на корягу.

– Брось! Что за блажь на тебя нашла? Все образуется, вот увидишь...

Однако доктор на уговоры не поддавался, твердил о поруганной чести, бросился было снова бежать в лес, но Максимов в прыжке подсек его и повалил на захрустевший наст. Пригрозил:

– Не дури, а то колодки надену! Вот тогда уж точно позора не оберешься.

Анита в перебранку не вмешивалась, поглядывала со стороны. Алекс сумел обуздать приятеля и уговорить его вернуться в усадьбу. Доктор повиновался, хоть и без особого желания.

Вошли во двор. Трицикл вибрировал под парами и походил на коня, которому не терпится сорваться с места и понестись галопом. Анита задержалась возле него, дотронулась до ходившего ходуном и окутанного белыми клубами котла и мигом отдернула руку.

– Горячо! Даже через рукавицу прожгло...

– Осторожно, мадам, – сомнамбулически предупредил

доктор (он думал о своем, окружающее его почти не интересовало).

– А он не уедет?

– Сам по себе – нет. Но сейчас я переведу пар на поршни, они раскрутят колеса, и мы с Алексеем... если он согласится составить мне компанию... поедem в город.

– Конечно, соглашусь, – заверил его Максимов. – Было бы не по-товарищески бросать тебя в беде.

Пока они обменивались любезностями, Анита открыла дверь в сени и ахнула. Вероника лежала головой к порожку и не двигалась.

– Что с ней? – оторопел Алекс. – Удар хватил, что ли? Или ожившего покойника увидела?

– Ты проницателен. Думаю, расчет был именно на это. Но я подозревала нечто подобное, поэтому заранее предупредила ее, что бояться нечего. – И Анита обратилась к лежавшей: – Вставай, притворяться больше не надо.

Вероника подскочила как мячик. Ошеломленный Максимов смотрел то на нее, то на супругу.

– Это спектакль? Ради всех святых, Нелли... для чего вы его затеяли?

– По большому счету необходимости в нем не было, но мне хотелось, чтобы до поры все шло так, как задумал господин Немец. Требовалось усыпить его бдительность... Кстати, где он?

Обернувшись, Анита увидела, как доктор вскочил в люль-

ку трицикла, дернул за рычаг, и паровая телега с хлюпаньем и свистом попятилась к закрытым воротам. Продавила их, выехала на улицу и стала разворачиваться.

– Стой! – опомнился Максимов. – Куда?!

Он побежал к машине, которую из-за дыма и пара почти не было видно. Она взяла со старта, как призовой рысак, с воем пронеслась по деревенской улочке и окончательно скрылась в мареве.

Алекс выругался, он ничего не понимал. Анита же вела себя хладнокровно и деловито. Между ней и Вероникой произошёл следующий диалог:

– А где тот, второй?

– Заперла я его, Анна Сергевна. В точности, как вы приказали. И ставни закрыла. В доме он сидит. Как мышь. Боюсь только, мебели переломает, ирод треклятый...

Едва она высказала это опасение, как за бревенчатыми стенами загромыхали сокрушаемые в неистовстве деревянные изделия и зазвенел быющийся хрусталь.

– Ну, этого я не потерплю! – взревел Максимов, откинул засов и ворвался из сеней в горницу.

– Он в кабинете, – сориентировала Анита. – Возьми пистолет, мало ли что...

Алекс вместо пистолета вооружился своей верной кавказской саблей и ринулся на штурм кабинета. Распахнутая дверь с размаха врезалась в стену, с которой упала картина, изображавшая мост через Куру. Но то были мелочи по

сравнению с раскардашем, устроенным в помещении, которое Алекс почитал как собственный храм. Расколотые шкафы, сброшенные с полок книги, залитый чернилами стол... Все эти бесчинства произвел не кто иной, как Аким. При виде Максимова он – живее всех живых! – вжался в угол и размахивал кочергой, как палицей.

– Не подходи!

Окрик не только не испугал Алекса, но еще и подхлестнул. Сабля взвилась острием под потолок, задев люстру, с которой градом посыпались разноцветные стекляшки. Миг – и пасть бы лже-мертвецу разрубленному пополам, но подскочила Анита и схватилась за эфес.

– Не убивай его! Это будет уже предумышленно, и четыре-пять годами ты не отделаешься...

– Но это мошенник! И посмотри, что он тут натворил!

– Мошенник – да. Еще и знатный вор. Вчера, когда Вероника растирала его, я обратила внимание на татуировку русалки у него на груди. И что еще важнее – пять точек между большим и указательным пальцами. Это символ принадлежности к воровской элите. Сразу видно, что он не любитель, а профессионал со стажем.

– Откуда ты знаешь про татуировки? – нахмурился Алекс.

– Читала. Общались с людьми... – Анита не стала вдаваться в детали и обратилась к жулику, который все еще сжимал кочергу и щерил желтые зубы: – Будьте любезны, отдайте то, что вы у нас украли.

– А это видала? – Он свернул пальцы свободной руки в дулю.

Максимов не стерпел и все же приложил его – с маху, от души, но повернул при этом лезвие сабли плашмя. От могучего удара наглец выронил кочергу и повалился на разбросанные книги. Алекс моментально потерял к нему интерес и откинул крышку заветного сундука. Она была не заперта, из замка торчала отмычка, но внутри порядок не был нарушен. Максимов отпер ларец и облегченно выдохнул.

– Уф! Жемчужина на месте. Он до нее не добрался, мы вовремя его спугнули.

– Уверен? Дай-ка... – Анита вытряхнула драгоценность на ладонь, поднесла к свету. – Это фальшивка, Алекс. Дешевая подделка. Я же говорю тебе: он профессионал. Не знаю, где твой друг нанял его, но такому мастерству позавидовали бы лучшие воры Москвы и Петербурга. Пока доктор в лесу кривлялся перед нами и тянул время, этот тип успел вскрыть и кабинет, и сундук, и ларец. Блестящая работа!

– Немец опустил до воровства? Не может быть...

– Заметь: чужими руками. Хотя это не так важно. Его самлюбие оказалось сильнее морали. Он с юных лет страдал маниями – ему казалось, что из-за своего низкого происхождения он всеми презираем, что за его спиной вечно шушукуются, отпускают по его адресу остроты и так далее. Даже его фамилия служила поводом для зубоскальства. Что он мог поделать? Вернуться на родину? Но и там, не имея ни

чинов, ни титула, он прозябал бы на вторых ролях. Положение поправил бы только материальный достаток, но откуда он у скромного врача? А теперь поставь себя на его место: ты небогат, незнатен, вынужден возиться с больными... малоприятное занятие... а рядом с тобой твой друг – граф Загальский, у которого есть все: деньги, звание, вес в обществе.

После того как вор был обезврежен, Максимов утратил воинственный пыл и задумчиво оперся на саблю.

– Понимаю... Я и раньше замечал, что Немец завидует Загальскому. Он не выказывал этого открыто, однако по его поведению угадать было нетрудно.

– Жемчужина, которой хвастался граф, стала последней каплей. Для доктора сто тысяч франков – гигантский капитал. А ведь она, как мы помним со слов графа, стоит гораздо дороже, если продать ее умеючи. Доктор не справился с искушением и задумал ее украсть. Не знаю, был ли он знаком с этим субъектом раньше, – Анита кивнула на лежащего без чувств похитителя, – или вышел на него уже после того, как разработал план кражи. Это мы выясним после. Точнее, выяснит полиция.

– Жемчужина графа! – Алекс взвился как ошпаренный. – Я дал слово сберечь ее... Где она теперь? У Немеца?

– Нет. Немец покинул дом еще до того, как этот прохвост воскрес и вломился в кабинет. С того момента они не виделись, значит, жемчужина где-то здесь. Когда он очнется, мы его расспросим.

– А Немец тем временем будет за сотню верст отсюда! Ты же видела, на что способен его паровой тарантас! За ним ни один конь не угонится...

– Не беспокойся. Тарантас далеко не уедет. Я открыла вентиль, выпускающий воду. Скоро она кончится, и котел перестанет действовать.

– Ты открыла вентиль? – не поверил Максимов. – Когда ты успела?

– Когда мы вернулись из леса, где доктор якобы собирался повеситься. Обожгла пальцы, зато из-за пара никто ничего не заметил.

– Ты же не разбираешься в технике...

– Благодаря тебе я кое-что усвоила, – улыбнулась Анита. – У меня хорошая память, а ты очень доходчиво все объясняешь.

Максимов был польщен, но признаться в этом ему помешал очнувшийся вор, который опрометью кинулся к выходу. Возможно, ему удалось бы выбежать не только из кабинета, но и из дома, если бы Вероника в кои-то веки не проявила расторопность. Она стояла у двери и вовремя метнула под ноги беглецу сдернутую с вешалки бекешу. Аким (если это было его подлинное имя) запутался и кувырком полетел через порог. Максимов настиг его, заломил руку и потребовал веревку, чтобы скрутить проходимца. Вережки не нашлось, Анита протянула Алексу прочный шелковый шарф.

Крепко спеленатый вор был водворен в чулан и заперт на

два замка. Вероника получила строгий наказ стеречь его как зеницу ока, а если он паче чаяния сумеет вырваться из затвора, бить его по темени поленом безо всякой жалости.

Сдернули с полатей Ерофея, он запряг лошадь, отдохнувшую после утренней пробежки, и погоня устремилась по следу трицикла, хорошо различимому на снегу. Максимов хотел оставить Аниту дома, но она категорически отказалась. Финал криминальной истории, при распутывании которой она проявила незаурядную сообразительность, не мог состояться без ее участия.

Савраска шустро рысила по дороге, Ерофей погонял ее кнутом и вожжами, а сидевшие в санях Анита и Алекс обменивались суждениями относительно придуманной доктором схемы похищения «Звезды волхвов». Максимов уже догадался, что отравление графа не было случайным.

– Медленно действующий яд? Как у белой поганки? – проявил он эрудицию. – Немец неплохо в них разбирается, я как-то на Кавказе видел у него германский трактат на эту тему.

– Да. Он знал, что граф поедет к нам, и во время совместного обеда в Твери подсыпал ему отраву. Доза не была смертельной, но вызвала боли и прочие тревожные признаки. Это произошло уже здесь, в Медведевке. Просчитать последствия не составляло труда: поскольку врача в деревне нет, графа отправят в городскую лечебницу. Брать с собой жемчужину он не станет, попросит тебя сохранить ее в доме.

Немец бывал у нас и видел, что все наиболее ценное ты запираешь у себя в кабинете в сундук. Оставалось решить проблему: как незаметно похитить жемчужину. Для этого требовалось выманить хозяев, то есть нас, из дома и отпереть несколько непростых замков. Вот тут-то и пригодился Аким. Он под видом замерзающего блаженного появился возле нашей усадьбы. Я еще тогда, ночью, удивилась: почему он не постучался к кому-нибудь из крестьян, ведь их избы находятся ближе к лесу, откуда он пришел? И еще. Если он брел из Волока, то должен был продрогнуть до костей.

– Ты говорила, что он буквально окоченел...

– По первому впечатлению – да. Но ни руки, ни ноги, ни щеки у него не были отморожены. Тогда я и заподозрила, что он явился к нам неспроста и что все это – комедия, рассчитанная на мое добросердечие. Доктор был уверен, что я позволю Акиме переночевать в доме. Но это не решало всей задачи. Мы с Вероникой не собирались никуда уходить, а скоро приехал и ты, так что у вора не было возможности проникнуть в кабинет и вскрыть сундук. Доктор хоть и аферист, но не душегуб и вряд ли рассматривал вариант откровенного грабежа с возможным убийством...

– Надеюсь... – мрачно выдохнул Максимов. – Однако и то, что ты говоришь, звучит для меня дико. Он, конечно, всегда был себе на уме, мизантропия за ним водилась, но чтобы до такой степени!..

– Ты имеешь в виду, что у него хватило совести обокрасть

и подставить друзей? Но не вы ли с графом в этом виноваты? Припоминаю, как ты рассказывал о розыгрышах, которые вы устраивали в полку. Что-то связанное с прусской фуражкой... Ах да! Вы подложили ее Немецу, пока он спал, а он утром спросонья надел ее вместо своей и получил нагоняй от командования. Вы считали это дружескими шутками и не понимали, что наступаете ему на больную мозоль. А он копил обиды и, как видишь, ничего не прощал.

Пристыженный Алекс не нашел что ответить. Анита, помолчав, продолжила:

– Когда сегодня доктор приехал в Медведевку, он обнаружил, что граф в больнице, жемчужина в доме... Ты ведь сам упомянул о ней за обедом, так?.. А Аким ждет подходящего момента. Все было проделано с выдумкой. Стреляющая табакерка выпалила, пробила дверь... Я не слишком хорошо разбираюсь в револьверах и штуцерах, но мне кажется, пуля, выпущенная из такой маленькой коробочки, не должна обладать большой мощностью. Она пробила дверь, причем на такой высоте, что не могла угодить в грудь человеку среднего роста, и упала сразу за порогом. Я обратила внимание, что доктор, когда подбегал к лежащему Аким, будто бы споткнулся и оперся рукой на пол. На самом деле он подобрал пулю и спрятал ее.

– А как же Аким? Он не был ранен?

– Ни царапины. Во время выстрела он стоял где-нибудь в сторонке, а потом прижал к груди руку с томатной пас-

той или клюквенным соком... допускаю, что из нашей же кладовой... и изобразил предсмертную агонию. Было очевидно, что мы с тобой не станем осматривать раненого, раз есть врач. Немец подозревал, что Вероника или кто-нибудь еще будет подглядывать за ним, поэтому драма под названием «Хирургическая операция» была разыграна бесподобно. А финал и вовсе впечатляющий: мучительные терзания по поводу загубленной чести и побег в лес для совершения самоубийства. Однако странно: зачем возиться с петлей человеку, у которого при себе пистолеты?

– Вот я олух! – укорил себя Алекс. – Простейшие умозаключения, а мне они и в голову не пришли.

– Ты чересчур эмоционально переживал происходящее, это не способствует мыслительной деятельности. А я уже знала, что доктор нас обманывает, и примечала каждую его оплошность. Он не мог быть абсолютно уверен, что мы оба кинемся его искать, но на этот случай имелся эффектный выход Акима. Представь себе, что должны были испытать две слабонервные женщины, когда на их глазах он восстал бы из мертвых.

– Вероника бы грохнулась без чувств, это точно. Но относительно тебя я сомневаюсь.

– Так или иначе, я дала Веронике нужные указания, и она все сделала преотлично. – Анита прервалась и привстала. – Смотри! Дым!

Из-за поворота вытягивалась по ветру сизая спираль, рас-

плывалась в воздухе и стелилась под копыта бегущей лошади.

– Н-но! – прикрикнул Ерофей, а Максимов достал из-за пазухи пистолет.

Трицикл чернел на обочине, как туша издыхающего зверя. Он еще коптил и выплевывал последние облачка пара, но уже не двигался и не содрогался. Жизнь покидала его.

Сани притормозили, Алекс выскочил из них, подбежал к неподвижной машине.

– Его здесь нет! – сообщил он на бегу. – Но я вижу, куда он ушел...

Цепочка знакомых оттисков на снежном покрове уводила в ельник. Максимов пробежал по ней и увидел сидевшего на пне доктора. Тот поднял голову, в глазах его застыли тоска и безнадежность. Он мог бы уйти дальше, но не стал этого делать, поскольку понял, что обречен.

Пистолет Алекса сам собой опустился, в стрельбе и угрозах уже не было надобности. Не сорвалась с уст и заготовленная филиппика. Немец поднялся и по-арестантски завел руки за спину. Максимов ощутил себя жандармом, и это ощущение не доставило ему удовольствия. В воображении промелькнули кавказские будни: бивуаки, совместные трапезы, фляга с чачей, ходившая по кругу...

Он спрятал оружие и, отвернувшись, чтобы не смотреть на бывшего сослуживца, глухо промолвил:

– Отдай жемчужину и катись на все четыре стороны.

– У меня ее нет, – так же глухо ответствовал доктор.

– А где она?

– У Акима. Вы разве его не поймали?

«Не врешь?» – хотел переспросить Алекс, но вспомнил слова Аниты и поверил. Увязая в снегу, подошел к саням.

– Ерофей! Отвезешь нас в деревню, а потом вернешься и передашь этому барину бочку с водой. Пусть заправляет свой драндулет и уезжает.

...Профессиональный ворюга Аким сидел в чулане, крик-тел и шевелил спутанными руками. На вопрос, куда делась жемчужина, разинул пасть и издевательски загоготал.

– Отвечай по-человечески! – разозлился Максимов. – Ты что, сожрал ее?

– Ага. Заместо рождественского гуся.

Алекс в порыве ярости сжал кулак, но не позволил себе ударить связанного. С отчаянием обратился к Аните:

– Вот же каналья... И что с ним делать? Вспороть ему брюхо?

Она посмотрела на него с мягким упреком.

– Алекс, будь добрее! Праздник... на мир благодать сошла, а ты – «вспороть брюхо»! – За неимением под рукой ко-локольчика она щелкнула пальцами, подозвала Веронику: – Поди в столовую, там доктор саквояж забыл, поройся. Нет ли в нем, случайно, клистирной трубки?

Анна и Сергей Литвиновы

Персей собрал друзей

Гипермаркеты напирали со всех сторон, но Мария не сомневалась: их маленький продуктовый будет стоять вечно. Людям нравится, когда магазин прямо в доме: и в тапочках зайти можно, и с продавцом поболтать.

Половину покупателей она давно знала по именам, и это скрашивало будни, напоминало родной поселок, откуда давным-давно уехала покорять столицу.

Если заявлялись новички, продавщица всегда настораживалась. Одна на весь зал, доступ к товарам открытый, воровать легко. Крали всего чаще не бомжи и не дворники – а с виду приличные тетki. Поэтому незнакомых женщин встречала с особым подозрением.

Сегодня вечером народу толпа. Новый год отгремел, гостей проводили, салаты подъели – и потянулись. За «топливом» и общением.

Как очередная покупательница вошла, Мария даже не успела заметить. Только у кассы разглядела и фыркнула: надо же так вырядиться! Не старая, а одета как в прошлом веке. Платье ниже колен, пальто с пелеринкой. Перчатки дурацкие – на половину пальцев, словно из старинного фильма. Да еще собачка на руках – маленький пудель с печальной

мордой, усы обвисли. В корзинке – набор нищebroда. Яблоки сезонные, творог однопроцентный. Низкокалорийная булочка. И бутылка воды.

«А под пальто небось печень трески спрятала. Или коньяк». Мария покосилась на экран видеонаблюдения, но тот, зараза, как всегда, не работал.

В поселке родном нормально было бы спросить: «Вы кто, откуда к нам пожаловали?» Но Москва фамилярных отношений не терпела, поэтому пришлось следствие обходными путями вести.

Мария предложила даме:

– Собачку на пол поставьте, неудобно ж вам!

Хоть заметно будет, если у покупательницы карман оттопыривается.

Та взглянула затравленно.

– У вас на двери табличка – с животными нельзя.

– Да ладно, такой песик хорошенький.

– Спасибо.

Она опустила пуделя на пол. Вроде под пальто ничего не прячет. Но вид нервный, губы кусает. Начинаящая, что ли, воровка?

Покупательница выложила на кассу товар и виновато попросила:

– Вы только не пробивайте сразу. А то у меня наличных мало.

Вон оно что. Но в столицах живых денег и нет ни у кого.

– Мы карты принимаем.

Смутилась.

– З-забыла я карту.

Проверенным своим Мария всегда давала в кредит, но на незнакомых правило не распространялось. Новенькой не хватило тридцати рублей. Решила отказаться от яблок. Очередь терпеливо ждала. Пес незнакомки умильно косился на распродажную колбасу. Наконец та удалилась. На глазах слезы.

Будь Мария в родной глуши, обязательно бы обсудила печальную даму с другими покупательницами. Или хотя б сама задумалась, что у той за беда? Но в столице, как квартирная хозяйка говорит, «всем на всех класть».

Так что вспомнила про бедняжку только в начале двенадцатого ночи, когда заперла магазин, вышла под колкий дождь, а к ней бросился пуделек. Подскакал, лапы поставил. Да это ж тот самый! Запомнил, хитрец, кто колбасой распоряжается.

Мария поискала глазами – вот и покупательница незадачливая. Сутулится на детской площадке, под грибочком песочницы укрывается от ледяных капель.

В Москве в душу к людям не лезут. Но замерзнет ведь, дура!

Мария подошла, спросила сурово:

– Чего здесь торчишь?

– Идти некуда.

– Коллекторы выгнали?

Та насупилась.

– Сама ушла. Видеть его не могу.

– Кого?

– Дениса.

– Это кто?

– Муж.

Мария взглянула недоверчиво – замужние перчатки без пальцев обычно не носят.

Уточнила:

– Законный муж?

– Да.

– Отсидевший, что ли? – вырвалось у нее.

Дама обиделась.

– Почему отсидевший? Нормальный.

– А из-за чего поругались?

Смутилась. Носком ботильончика уличную грязь ковыряет:

– Я сама виновата.

Мария хмыкнула:

– Прямо так виновата, что без денег из дому ушла? Или Денис твой кошелек отобрал?

– Ничего он не отбирал. Я просто не могла его видеть. Больше ни секунды.

– По морде, что ли, дал? – заинтересовалась Мария.

– Нет, конечно. Но лучше бы он меня ударил.

Что вот за слюни интеллигентские! Мария примирительно молвила:

– Ладно. Повыдывалась, померзла – и хватит. Езжай обратно. Холодно, да и Рождество скоро, нельзя ссориться. Сейчас я тебе такси вызову.

– Нет, – упрямо вздернула подбородок. – Не поеду.

– Дам я тебе денег! Потом на карту скинешь.

– Не в этом дело. Я к нему не вернусь.

Сама синяя уже от холода, и пудель мокрый насквозь, мелко дрожит.

– Буду новую жизнь строить.

– А как ее строить без денег? – хмыкнула Мария.

– Не зна-аю, – вздохнула тяжело. – Дождусь утра. Подруге позвоню, попрошу приютить.

– Все у вас в Москве через одно место, – не удержалась продавщица. – Если подруга есть – чего утра ждать?

Молчит.

– А собаку с собой зачем взяла?

– Миклуша мне дороже денег.

Тут Марии совсем смешно стало.

– Что за кличка дурацкая?

– Потому что кудрявый. Как Миклухо-Маклай.

– Это кто?

– Этнограф и путешественник.

– Вот ты дурная! Ладно. Пошли. У меня переночуешь.

Снимать в Москве отдельное жилье можно, если в «Газпроме» работаешь. Продавцам с охранниками по доходам только общага. Как Мария устроилась – целый *угол* в отдельной квартире, – это прямо считалось совсем хорошо. А когда соседка отвалила на новогодние каникулы в свой Красноярский край, совсем шикарно стало. Колян и Палыч (из соседней комнаты) замучили острить, что надо срочно любовника.

Но она вместо любовника – смех! – странную тетку притащила, да еще с пуделем.

Палыч слышал, что в коридоре голоса, высунулся:
– Машка, ты с кем?

Увидел промокшую гостью (пальто от дождя обвисло, кончики пальцев в половинках перчаток посинели от холода, на руках взъерошенный пудель), присвистнул:

– Ой, ё.

– Владислава, – с достоинством представилась чудилка.

– А пес у ней Миклухо-Маклай, – добавила Мария.

И сама не удержалась, начала ржать – очень уж смешно у Палыча лицо вытянулось.

Промерзшую даму с собачкой отвели на кухню. Чай, шерстяные носки, псу банку тушенки пожертвовали. Женщина покраснелась, бормотала в смущении:

– Вы ж мне совсем посторонние люди...

На улице мерзла с видом героическим, а сейчас вдруг расклеилась – плечи трясутся, слезы градом. Обычно равнодушный до всех Колян притащил одеяло, укутал. А Палыч сурово сказал:

– Кто обидел? Убью гада.

Гостья зарыдала еще пуще, а Мария поспешно сказала:

– С мужем поссорилась. Завтра помирятся, не бери в голову.

У самой бывало: все навалится, днем как-то держишься, нервы в зубы, а вечером потом в рев. Но стопку жахнешь – и отпускало. А Владиславе уже и водки, и слов сколько ласковых, и Миклуша нескладный ей руки лижет, но никак не успокаивается. Икать начала, бормочет виновато:

– П-простите. У м-меня нервы.

Руку в карман платишка сунула, достала коробочку. В ней желтые таблетки. Вынула две дрожащими руками, просит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.